

Траектории религиозного поиска

Теология в Беларуси: взгляд в ракурсе гуманитарной безопасности и устойчивости общества

Григорий ДОВГЯЛЛО,
начальник Центра
международных
отношений Института
теологии БГУ

Татьяна КУЗНЕЦОВА,
редактор
официального
портала Белорусской
Православной Церкви

Существующее положение дел с определением статуса теологии в нашей стране может и должно быть изменено. И начинать необходимо не только с высшего образовательного уровня: отдельный курс, посвященный религиозной культуре, вполне можно ввести и в школе. Причем мотивы таких нововведений могут быть исключительно светскими.

Для начала стоит отвлечься от того, является ли религиозное мировоззрение истинным или ложным, хорошим или плохим. Зафиксируем одну-единственную исходную позицию: оно есть, оно присуще людям. Причем многим людям. В наши дни, как видно из международных опросов за 2000–2007 годы, нерелигиозное население Земли составляет лишь порядка 4 % от его общей численности. В Беларуси доля религиозного населения за последние два десятка лет составляет около 60 % общей численности граждан.

Современное светское религиоведение признает склонность к религии органической чертой человека. Иными словами – человеку свойственно быть религиозным, и это объективная данность.

Недавно под эгидой Международного общественного объединения «Христианский образовательный центр имени святых Мефодия и Кирилла» вышла в свет серия учебной литературы «Теология в университетах». Книги, раскрывающие современные реалии богословия и религиоведения, разошлись по библиотекам белорусских вузов.

Название серии задумывалось как конструктивная «провокация». Ведь теология имеет в Беларуси половинчатый статус, не являясь пока еще официально научной специальностью. Дипломы специалистов-теологов белорусское государство признает, но вопрос с кандидатскими и докторскими степенями остается открытым.

С точки зрения здравого управленческого прагматизма, религию важно принимать в расчет как мотив общественных действий. И в таком качестве она почти не имеет соперников. К слову, XVI Международное Берлинское собрание в Бундестаге было посвящено теме «Ответственность перед Богом и человеком». В повестку данного форума, который проходил в 2011 году, был включен вопрос о том, как религиозная мотивация влияет на взаимодействие людей разных национальностей, языков, культур и регионов. К обсуждению были приглашены авторитетные политики, экономисты, а из религиозных лидеров – в частности, Митрополит Минский и Слуцкий Филарет... Отметим для себя этот интерес германского истеблишмента к разговорам о религии. Вряд ли он случаен.

ЛИБО ВЕРА, ЛИБО ИДЕЯ

Нередко можно услышать, что религия – это система мифов. Пусть так. Для большинства людей миф обаятельнее, чем математическая формула. Массовое сознание активно вырабатывает мифы, подчиняется мифам и питает их живой кровью.

Знаменитый историк-медиевист профессор Арон Гуревич до конца своих дней считал себя нерелигиозным человеком, что не мешало ему однажды заметить: «Вы можете не верить в Христа, но все эти поколения на протяжении двух тысячелетий веровали в Него, жили этой верой. Для человека нерелигиозного вопросы о том, существовал ли Сын Человеческий, был ли Он Сыном Божиим, был ли распят и воскрес, отступают на задний план, потому что Христос стал таким мощным фактором человеческой истории по сравнению с участвовавшими в ней живыми людьми, что те оказываются бесплотными тенями» [1, с. 264]. К его словам можно добавить лишь то, что они справедливы и в отношении новейшей истории с такими персоналиями, как, допустим, мать Тереза из Калькутты.

Социальные нормы пропитаны религиозными смыслами. Государство может призвать народ к жертвенному поведению (к тому, чтобы имущие поделились с неимущими, к мобилизации в экстремальных условиях), лишь апеллируя к народным святыням. Здесь с религией может сравниться разве что жизнь ребенка, возможность сохранения рода. Вспомним единственное оправдание войны, которое предусматривал Марк Туллий Цицерон: «За очаги и алтари», т.е. за дом, детей семью. По религиозным мотивам люди шли и идут на смерть. Кстати, иногда умереть за веру оказывается предпочтительнее, чем жить по вере. Поэтому феномен религиозного мученичества в истории едва ли выражен меньше, чем феномен религиозной благотворительности.

Другое дело, что ради религии человек иногда может пожертвовать не только собой, но и чужой жизнью. Понятия «религия» и «фанатизм» объединены прочными ассоциативными связями. Долгое время фанатизм, то есть готовность прибегнуть к насилию ради некоей сверхидеи, был почти исключительно религиозным. И только в Новое время (рубежным здесь было XIX столетие) появляются расовая и классовая разновидности фанатизма.

Казалось бы, банально рассуждает после теракта в Домодедово публицист Виталий Третьяков: «Терроризм существует потому, что есть люди, готовые на себе пронести в место скопления людей взрывное устройство и взорвать его, прекрасно осознавая, что они тоже

погибнут. В принципе, это называется красивым словом «самопожертвование». Но сейчас это слово редко употребляют, предпочитая нейтрально-профессиональное – «смертник». Но сути это не меняет. Те, кто готов идти на смерть (если таковых много), руководствуются либо верой, либо идеей...» [2]. А дальше он выговаривает то самое «Б», которое неизбежно следует за любым «А»: «Надежды на то, что прекрасно отлаженная Система может успешно противостоять любой партизанщине, в том числе и террористической, напрасны». Идея можно противопоставить лишь идею, вере – лишь веру. «Терроризм имеет... цивилизационную основу», значит, цивилизационная основа должна быть подведена и под сопротивление терроризму. Под цивилизационной основой своего общества публицист подразумевает христианство. Такой вывод.

До недавнего времени в Беларуси масштабных террористических актов не было, но, к сожалению, дата 11 апреля 2011 года останется в памяти белорусов как день страшного прецедента, который, будем молиться, останется единственным. Вместе с тем, как и повсюду в Европе, в нашей стране существует угроза деструктивного сектантства, которая не ограничивается единичными проявлениями. Секты – явление гибкое, они превосходно адаптируются к реалиям общества высоких технологий. Некоторые из них распространяют свои учения только через Интернет. Чело-

ОБ АВТОРАХ

ДОВГЯЛЛО Григорий Анатольевич.

Родился в 1962 году в г. Минске. В 1984 году окончил физический факультет БГУ. До 1990 года работал физиком-исследователем в БГУ, с 1991 года – помощник Митрополита Филарета, управляющий менеджер в ряде церковных проектов. Специалист в области межконфессионального, межрелигиозного диалога. С 1998 по 2004 год являлся постоянным представителем Московской Патриархии в одной из рабочих групп Всемирного Совета Церквей (г. Женева, Швейцария). В настоящее время – начальник Центра международных отношений Института теологии БГУ, первый заместитель председателя Христианского образовательного центра имени святых Мефодия и Кирилла. Сфера научных интересов: взаимоотношения науки и религии, история естествознания, христианские ценности и основания европейской культуры.

КУЗНЕЦОВА Татьяна Евгеньевна.

Родилась в г. Минске. В 2009 году окончила филологический факультет БГУ. С 2009 года – корреспондент официального портала Белорусской Православной Церкви, с 2011 года – его редактор. Сфера научных интересов: вклад христианства в культуру Европы.

век, как правило юниор, не встречается лично ни с «учителем», ни с «единоверцами». Все происходит в виртуальном пространстве, где каждый контролирует себя сам.

И не стоит думать, что в секту никогда не попадет человек, который сегодня к религии равнодушен. По наблюдениям социологов, такого рода равнодушные – весьма неустойчивая характеристика личности. В любой момент оно может смениться интересом, причем не обязательно, что этот интерес будет социально и психологически безопасным. Как правило, члены деструктивных сект – выходцы из вполне светских семей.

Современная социология оперирует термином «латентная религиозность», описывая с его помощью явление, когда непроявленность религиозных убеждений у человека при случае довольно легко трансформируется в набор вполне конкретных религиозных взглядов. Если энергия религиозного поиска ляжет у этого неопита в экзотическое, нетрадиционное для данного общества русло, то можно получить итог столь же непредсказуемый, как траектория полета шальной пули.

Уберечь подростков от сект спортивные кружки и музыкальные школы не помогут. Помочь способно только повышение религи-

На фестивале православной культуры в Бельничках

озной компетентности растущего поколения. Это значит, что в школе должны преподаваться азы богословия той религии, которая традиционна для данной конкретной страны.

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ ИММУНИТЕТ

Традиционная религиозность – не только и не столько антидот против сектантства и религиозного экстремизма. Богословие са-

мо по себе (и богословие ортодоксального христианства в частности) обладает большим воспитательным потенциалом.

Теология относится к числу попыток человечества заглянуть за горизонт своего привычного существования. Она ставит перед личностью сверхцели и сверхзадачи. Вспомним «максималистский» призыв Христа: «Все, что имеешь, продай и раздай нищим... и следуй за Мной» (Лк. 18: 22). А ведь давно уже было замечено, что надо стремиться к невозможному, чтобы достичь возможного. Арнольд Тойнби на этот счет заметил: «Воинствующая церковь на земле достигает добрых общественных целей значительно меньшими усилиями, чем мирское общество, побуждения которого направлены непосредственно на сами объекты и ни на что более возвышенное. Иными словами, духовный прогресс индивидуальных душ в этой жизни фактически обеспечивает значительно больший общественный прогресс, чем какой-либо иной процесс... Глубоко истинным... принципом является то, что для того, чтобы достичь какой-то определенной цели, следует стремиться не к самой этой цели, но к чему-то еще более возвышенному» [3, с. 515–516].

Религиозность – вектор, нацеленный на восприятие части в составе целого: жизни – в контексте вечности, индивида – в контексте человечества. Примечательны, например, стержневое для многих идеалистических доктрин понятие мировой души (связанное с платонизмом и стоицизмом, а в русскоязычной традиции – с именем религиозного философа В.С. Соловьева) и христианская трактовка церкви как Тела Церкви (ср. «И вы – Тело Христово, а порознь – члены»; I Кор. 12: 25). Принимая, что земная жизнь не есть вся жизнь, последовательно верующий человек не замыкает свои усилия на сиюминутных эгоистических интересах, но учитывает свою связанность с другими жизнями и с целым миром.

Религия подводит человека к ответственному принятию Другого, ориентирует личность на коммуникацию и диалог. В новозаветных координатах Другой – это, во-первых, Бог, во-вторых, ближний: тот человек, который здесь и сейчас находится рядом с нами. Поклоняться Богу нельзя без ревностного, горячего преклонения перед достоинством человека. Эта зависимость утверждается в Новом Завете напрямую:

«Кто говорит: я люблю Бога, – а брата своего ненавидит, тот лжец» (I Ин. 4: 20). Религиозная, и в частности христианская, этика – по определению этика альтруизма.

Личность, усвоившая с помощью теологии навык не сводить свой кругозор к данным непосредственных ощущений, скорее всего, придет не к слепой вере, а к трезвому критическому взгляду на действительность. Не зря итальянский общественный деятель священник Луиджи Джуссани ступенью к Богу считал именно творческую, идущую от совести критичность, а не самооглушение. Этот подход имплицитно существовал в иудео-христианской традиции. Достаточно вспомнить, как характерны для Библии, в частности для Псалтири и Книги Иова, вопросительные интонации (ср. «Что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?» – Пс. 8: 5).

Вообще говоря, старейшие религии мира – это апробированные историей способы ответить на вопрос о смысле жизни смертного человека. Задаваться таким вопросом в разной мере свойственно всем.

Во многих странах лица, ответственные за стратегию развития государства, сделали соответствующие выводы из того факта, что колоссальное количество людей религиозны либо находятся в состоянии религиозного поиска. Так, в государственных школах подавляющего большинства стран Европы взят курс на повышение религиозно-культурной грамотности учащихся. Для европейских государств, декларирующих свою светскость, является нормой сотрудничество с конфессиями, которые существуют на этих землях исторически, могут подтвердить свой вклад в культуру данной нации и свою дружественность обществу. В школах Австрии, Германии, Италии, Норвегии, Финляндии, Польши, Литвы преподавание религии ведется за счет бюджетных средств. Пожалуй, только секулярная Франция составляет исключение. Хотя в Эльзасе и Лотарингии в государственных школах также обучают религиозной культуре.

В Республике Беларусь, Российской Федерации, в Украине в той или иной степени тоже прорабатывается вопрос о введении факультативов или уроков религиозной культуры.

Кстати, финансирование уроков религиозной культуры и факультетов теологии

осуществляется в странах Западной и Центральной Европы не из средств церковного налога (который и не во всех-то странах существует), а из бюджетных средств, выделяемых министерствами образования. То есть точно так, как в общеобразовательных

Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарх всея Беларуси принял участие в открытии нового здания воскресной школы

школах финансируются уроки математики, истории, биологии, а также физические, философские, филологические и другие факультеты государственных университетов.

Нельзя забывать, что именно христианство сотворило Европу как особый мир в составе Евразии. Латынь в качестве языка дипломатии и поэзии, римское право обрели второе дыхание у варваров, объединенных авторитетом уже не императорского Рима, но христианской Церкви. Первые университеты возникли на базе богословских центров. Даже если снисходительно считать собор Парижской Богоматери и полотно Эль Греко церковным заказом, это не отменяет того факта, что именно христианское содержание веками воплощалось в формах европейского искусства. В библейской традиции, которая вбирает в себя христианство и иудаизм, можно обнаружить и зачатки демократии. К примеру, аналог конституции – закон Моисеев, который распространялся на весь народ, включая царя.

Принцип светскости, когда человек одинаково отвечает перед законом независимо от того, является он в глазах церкви «правоверным» или «еретиком», тоже, без преувеличения, выстрадан Европой. Но сейчас актуальна тема различия религий по признаку их вклада в культурное наследие соответствующих народов. Нарушения равенства рели-

гий перед законом здесь не подразумевается: когда человек разрабатывает правую руку, это не значит, что ему не нужна левая.

Считается, что традиционная культура и религиозность обеспечивает своего рода этносоциальный иммунитет. В любом живом организме (а общество – это тоже своеобразный организм) иммунитет обеспечивается наличием собственной ауθενтической микрофлоры. Если она есть, то вредоносная микрофлора подавляется до безвредного состояния: значит, организм способен справиться с инородным вторжением сам. Во всех иных случаях приходится пользоваться антибиотиками. Но медики знают, что очень часто после длительных курсов антибиотиков в организме торжествует как раз патогенная микрофлора. И поэтому современная медицина активно начинает использовать пробиотики. Примерно такие же выводы, но не образные, а конкретно-научные, делает в последнее время довольно молодая наука этнология, берущая начало от трудов французского ученого Клода Леви-Стросса.

Во время праздника в честь чудотворной иконы Божией Матери Будславской

В социальном организме аналог антибиотиков – запретительные меры. По этой схеме государство будет действовать, если полностью запретит доступ в школу всем религиям, чтобы наверняка перекрыть кислород сектантам и религиозным экстремистам. Но однажды личность, не получившая в школе достаточных знаний о религии, столкнется с религиозным миром. И при отсутствии, что называется, религиозно-философского вкуса выберет, возможно, именно сектантское или экстремистское учение... В ряде случаев хороший вкус может быть врожденным.

Но абсолютно полагаться на это нельзя. Вкус – как к хорошей музыке, одежде, так и к философии – надо воспитывать.

Вопрос воспитания, привития человеку тех или иных ориентиров и ценностей – вопрос политический. Речь идет о том, чтобы обеспечить существование нации, достойной суверенного государства.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЯЗЫК ОБЩЕНИЯ

Как религия, причем в сопоставлении с другой религией, может сказаться на выживании этноса? На этот счет есть иллюстрация из обширной хроники соседства германцев и славян. На стыке Античности и Средних веков часть нынешних австрийских и южно-германских земель (к примеру, территория Баварии) были заняты славянскими племенами, которые в какой-то период по численности даже преобладали над обитавшими там германцами. Но к определенному времени славяне оттуда исчезли. Списать это на военную агрессию германцев, если речь идет именно о раннем Средневековье, будет неверно. Славян не вырезали, а просто ассимилировали. Дело в том, что славянские племена на этих землях, оставшись языческими, не смогли создать единого смыслообразующего центра своей жизни и были, как прутья из известной притчи, «переломаны» поодиночке. Вера в плюрализм воли языческих богов не способствовала формированию монолитной народности. Германские же племена приняли христианство и выстроили свою жизнь на принципах христианской солидарности, объединившись под знаменем веры в Единого Бога. Это и помогло им выйти в финал этнической игры на выбывание.

Сейчас в той же Германии стали чаще вспоминать о христианских корнях своей идентичности. Это произошло не от хорошей жизни. Массовая миграция в Европу, спад рождаемости на фоне демографического благополучия иммигрантов, появление целых кварталов, где живут выходцы из Китая, Африки, Индии, арабских стран, заставили европейцев почувствовать, что происходят некие тектонические сдвиги цивилизаций. Затем пришло понимание, что одними только идеями терпимости и мультикультурализма эти события уравновесить нельзя. Кажется,

только ленивый не цитировал выступление в октябре 2010 года Ангелы Меркель на собрании Христианско-демократического союза в Потсдаме: «Мультикультурализм – концепция, в которой мы пытаемся жить и быть счастливыми, – не работает».

А ведь Беларусь совсем не застрахована от того, что иммиграционные потоки ее обойдут. Глобализация отражается, в первую очередь, на спайке хозяйственных структур. Экономике нужна дешевая рабочая сила, и люди из бедных регионов едут на Запад. Рано или поздно мы тоже окажемся в близком контакте с носителями иных культур. Они просто-напросто станут нашими соседями по лестничной клетке. «Импортные» культура и религиозность могут нас обогатить, но могут и подчинить, растворить в себе.

Кстати, по прогнозу FAO (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН), последние события в Северной Африке простимулируют исход в Европу около 50 миллионов беженцев с африканского континента в ближайшие 10 лет. Беларусь, благодаря своей взвешенной политике и опоре на собственную модель отношения к миграции, скорее всего, избежит первой прямой волны этого переселения. Но своеобразная диффузия мигрантов в рамках процессов трудовой и учебной миграции, партнерских отношений с Западной Европой так или иначе затронет и нас.

В конце концов социокультурный типаж европейца, с которым нам придется иметь дело в сфере дипломатии, экономического, научного сотрудничества, сильно изменится. И эти новые люди Европы будут разговаривать с нами (формально или неформально) на языке религии, *par excellence* ислама. Для того чтобы мы поняли их «язык», для того чтобы они поняли нас, нам надо будет срочно «вспомнить» религиозную составляющую наших корней.

Культуры прекращают изолированное существование. Этот процесс необратим, и он уже пошел. Кроме этого, он совершенно естествен. Истеричная ксенофобия (как и любая фобия, то есть страх) его не остановит. Мы не должны бояться встречи с другими культурами. Но если мы хотим приветствовать у себя носителей других культур и при этом не утратить своего лица, своего

статуса гостеприимных, но уверенных в себе хозяев своей земли, – то нам следовало бы обеспечить наших детей знаниями о нашей культуре и ее религиозных истоках. Подчеркиваем: знаниями. Вера остается частным делом. Одно стоит отличать от другого.

Участники международной конференции «Христианско-иудейский диалог: религиозные ценности как основа взаимоуважения в гражданском обществе в условиях глобального экономического кризиса». Минск, ноябрь 2009 года

В ЗОНЕ СВЕТСКОЙ ПЕДАГОГИКИ

Так что стоит отучивать себя от мысли о том, будто внедрение теологии в образовательную систему станет очередной уступкой, реверансом государства в сторону верующих. Государство может предпринять этот шаг совсем не из альтруизма, а из соображений гуманитарной безопасности социума. Вот что пишет об этом председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион: «Но именно в наши дни, когда все государства взяли на себя обязательства по защите прав человека, исход христиан из ряда государств лишь увеличился. Это, на мой взгляд, говорит о провале современной мировой политики в области религиозной свободы и отсутствии интереса к религиозному образованию. В результате многие люди строят свою религиозную идентичность на противопоставлении своих убеждений иным. Религиозное невежество становится почвой для взращивания ненависти к иноверцам, вплоть до призывов к физическому уничтожению. Если в ближайшее время на самом высоком уровне не будет обсуждаться вопрос религиозного образования, то религиозное невежество спровоцирует дальнейший рост межнациональной напряженности» [4].

В статье 16 Конституции Республики Беларусь говорится: «Взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа». В наших обстоятельствах на партнерство с государством претендуют православная церковь, римско-католическая, иудейские и исламские общины, а также некоторые протестантские церкви, которые присутствовали на белорусской территории более ста лет.

В Беларуси движение за школьный курс религиозной культуры инициировала православная церковь. Из этого совсем не следует, что на преподавание нового предмета должна быть установлена православная монополия. Православная церковь находит новые формы сотрудничества с государством, не ущемляя в правах другие церкви и религии, а открывая для них возможность самим вступить в будущем на эту дорогу. Как самая влиятельная на текущий момент конфессия, она, скорее, способна взять на себя роль «адвоката» других религий перед лицом государства.

Один из оппонентов образовательной политики Белорусского Экзархата недавно упрекнул БПЦ в том, что она якобы не умеет вести катехизаторскую работу среди своей паствы и поэтому хочет «сбросить» работу государству. Иными словами, церковь пытается возложить на светское государство свои церковные обязанности. Стало быть, светскость поставлена под удар: страшное дело – клерикализм...

Да, налицо желание церковной стороны рассказать о себе в школах детям родителей, называющих себя православными (в который раз подчеркнем: неверующих учеников никто не будет насильно водить на уроки религиозной культуры). Только за этим стоит не покушение клерикалов на светскую систему образования. Настоящий клерикал считает, что церковь должна в одностороннем порядке быть ревизором мирских властей. Когда же преподаватели-теологи несут свой «багаж» на государственный досмотр, то они тем самым, наоборот, становятся в положение объекта ревизии.

Белорусская православная церковь, внося под крышу государственных школ дисциплины, связанные с изучением религиозной

культуры, делает свою образовательную работу более прозрачной для общественного мониторинга. Религиозная культура в школе имеет шанс стать залогом «культурной религиозности» верующего населения. Причем ритуальные, богослужебные детали, характерные для атмосферы воскресных школ, пересаживаться на новую почву не будут. Никто не планирует создавать в учебных классах и молитвенные уголки. Светскость, понимаемая как ограждение школы от обрядового аспекта религии, остается в силе.

Появление теологов в зоне светской педагогики – это все та же жажда диалога, обмена опытом. У профессиональных светских педагогов теологи могли бы обучиться методическим ноу-хау, приемам современной риторики (которые, разумеется, не совпадают с приемами проповеди в храме). Полученная квалификация может быть подтверждена госэкзаменом.

На IX духовно-просветительской выставке-ярмарке «Рождество Христово». Минск, 2011 год

В свою очередь теолог – это практик, так как находится в контакте с людьми, совершающими религиозные таинства, и, как правило, сам участвует в них. Иными словами, имеет прямой доступ к источникам интимного религиозного опыта, адекватные сведения о котором нельзя почерпнуть из раздела «Религии мира» в учебнике обществознания. В силу этого преимущество теолога перед светским религиоведом – образно говоря, преимущество натуралиста, который изучает поведение птиц в природе, перед изготовителем птичьих чучел. Любой феномен – фауны, флоры, культуры – лучше познавать в движении, в развитии, чем в статике. Возможно, поэтому в штаты ве-

домств Евросоюза по охране национальной безопасности включаются консультанты по религиозным вопросам с теологическими дипломами. Укажем хотя бы на то, что доктор теологии Йорг Тиссен, пастор, был в течение четырех лет личным референтом министра обороны ФРГ Шарпинга, затем – директором Института социальных наук Бундесвера.

Тему «религия и школа» в нашей стране принято переводить в плоскость «религия и естественные науки». Из стана материалистов периодически звучат призывы пощадить психику учащихся, которым на уроках религиозной культуры и природоведения (биологии, физики, астрономии) будут говорить вещи, вроде бы исключающие друг друга.

Трактовать отношения религии и науки только как взаимное исключение – это не общепринятая, а специфическая постсоветская точка зрения. Иначе полагал, к примеру, отец-основатель квантовой механики Вернер Гейзенберг: «Если религии всех эпох говорят образами, символами и парадоксами, то это, видимо, потому, что просто не существует никаких других возможностей охватить ту действительность, которая здесь имеется в виду. Но отсюда еще вовсе не следует, что она не подлинная действительность... Нам надо и здесь тоже осознать, что существует отношение дополнительности между критическим анализом вероучительного содержания той или иной религии и поведением, предпосылкой которого является решительное принятие духовной структуры данной религии. Такое сознательно принятое решение придает индивиду силу, которая руководит его поступками, помогает преодолеть моменты неуверенности, а когда ему приходится страдать, дарит ему утешение, порождаемое чувством открытости внутри великого миропорядка. Таким путем религия помогает гармонизации жизни в обществе, и в число ее важнейших задач входит напоминание о великом миропорядке на языке образов и символов» [5, с. 213, 215].

Заметим, что язык образов и парадоксов, на котором, по словам В. Гейзенберга, говорит религия, может содействовать ученому в его изысканиях. Опыт науки XX века это выявил. Георг Кантор, автор теории множеств, признавал, что к ее созданию его подтолкну-

ли размышления над христианским догматом о триединстве Бога. Физик-теоретик Фритьоф Капра применил для разрешения антиномий квантовой механики интуитивно-созерцательные идеи религиозных учений Востока.

Что касается государственной научной аттестации теологов в Беларуси, то, на наш взгляд, она способствует поднятию престижа страны на рынке образовательных услуг. Пока же светские специалисты-теологи у себя на родине не могут защитить кандидатскую диссертацию, поэтому они вынуждены защищаться за границей. И часто там остаются жить – уже навсегда.

Признав теологию научной специальностью, мы сможем, с одной стороны, удержать в какой-то мере «утечку мозгов», а с другой – позволить теологам из-за рубежа получать ученые степени в Беларуси. В Институте теологии БГУ могут подтвердить, что подобный спрос есть.

В рамках Болонской системы теология считается такой же научной специальностью, как право, физика или медицина. Нам для начала стоило бы задаться вопросом: возможно, в этом есть логика? Как и в том, что ни в одной европейской стране не демонтирована система уроков религии в светских школах.

Безусловно, положение религии в светской системе образования, да и в общественной системе образования, нужно обсуждать. Обсуждать открыто, вдумчиво, выдержанно, избегая популизма и шаблонов. Обсуждать при участии представителей государства и общественности. И тогда сам процесс дискуссии сможет подарить участникам интеллектуальные открытия. А его результат принесет пользу всем гражданам нашей страны. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич, А.Я. История историка / А.Я. Гуревич. – М.: РОССПЭН, 2004. – 288 с.
2. Третьяков, В. Идеология антитеррора / В. Третьяков // Известия [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/comment/article3151201/>. – Дата доступа: 14.03.2011.
3. Тойнби, А. Дж. Постигание истории: сборник / А. Дж. Тойнби / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – М.: Рольф, 1991.
4. Митрополит Волоколамский Иларион. Нарушение прав христиан / Митрополит Волоколамский Иларион // Известия. – 2011. – 24 марта. – С. 7.
5. Гейзенберг, В. Физика и философия. Часть и целое / В. Гейзенберг. – М.: Наука, 1989. – 132 с.